

Камила Левитан

Развод с предателем. Твоё отражение выдало измену!

Камила Левитан

**Развод с предателем. Твоё
отражение выдало измену!**

«Автор»

2026

Левитан К.

Развод с предателем. Твоё отражение выдало измену! /

К. Левитан — «Автор», 2026

Я готовила семейный фотоальбом к десятой годовщине свадьбы, когда случайно заметила в отражении бокала мужа женскую руку. Руку его молодой пиарщицы! Марат назвал меня сумасшедшей и удалил фотографию. Но он не знал, что я сохранила оригинал! Вскоре выяснилось: любовница помогала ему выводить миллионы, готовить фиктивное банкротство и собирать доказательства моей «неадекватности», чтобы после развода забрать детей! Муж заблокировал счета, выгнал меня из дома и даже отобрал у дочери любимую игрушку. Но просчитался. Я умею восстанавливать удалённые файлы. И уже нашла то, что уничтожит его империю! Ты хотел стереть меня из своей жизни, дорогой? Теперь я сотру твою ложь!

© Левитан К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Камила Левитан

Развод с предателем. Твоё отражение выдало измену!

Глава 1

К десятой годовщине я собирала альбом «Наша жизнь». Дети уже выбрали снимок для обложки — тот, где Марат держит Мишу вверх ногами, а Аня хохочет у него под локтем. Мне хотелось чего-нибудь приличнее. У гостей ведь будет шампанское, тосты; смешной семейный кадр я оставила внутрь. Сканер шумел, как недовольный кот. На фотографии с запуска первого продукта мужа проступила полоса, которой на бумаге не было. Я протёрла стекло и отсканировала ещё раз.

Полоса осталась. Вот этого я терпеть не могла: сначала найти дефект, потом оставить его в подарке. Открыла Photoshop, убрала пыль и сверилась с цифровым снимком. Бумажную фотографию можно было выбросить — файл оказался гораздо чётче. Я увеличила бокал в руке Марата и перестала двигать мышью. В стекле отражалось лицо Лики. Его пиарщицы. Лика стояла за ним так близко, что на общем плане я приняла её за часть его тёмного пиджака.

«Отражение, Ева. Ну что ты». Я подвинула снимок, выставила контраст. Могла же там оказаться любая женщина, даже я: на праздники я тоже носила волосы убранными. Только свои серьги я узнала бы. Эти серьги видела у Лики.

На цифровом фрагменте я различила руку Лики на шее Марата. Пальцы цеплялись за воротник. Так я сама поправляла ему рубашку перед выходом — только у нас это случалось дома. «Просто дружеский жест! Не выдумывай!» Но пальцы уже летели по клавиатуре. Я открыла свойства файла. Цифровой JPG-файл изменили вчера. Саму фотографию сделали три года назад. Вчера кто-то снова работал с кадром. Зачем?

Марат вошёл с белыми розами. В прошлом году я сказала, что люблю белые; после этого он покупал только их, даже не спрашивал. Наверное, ещё вчера меня бы порадовало, что запомнил. Сейчас я следила за его глазами: сначала экран, потом моё лицо. Букет он опустил к бедру.

— Устала, зайка? Бизнес-стресс вымотал? — он положил цветы на стол, скользнув взглядом по экрану ноутбука. Потом он смотрел только на моё лицо.

Я развернула ноутбук, чтобы он видел отражение. Роза зацепилась за край стола, лепесток упал на клавиатуру. Марат взял ноутбук, сдвинул к себе. Мне пришлось выпустить корпус из пальцев.

— Это композиционный трюк PR-отдела. Для имиджа команды. Лика просто поправляла мне галстук перед выходом на сцену. Ты всегда ищешь проблемы там, где их нет, Ева. Это твоя профессиональная деформация. Не путай работу с семьей.

Про галстук он сказал сразу. Я ещё не спросила, чья рука на снимке, а ответ уже получила. Повернулась к букету: с одной розы свисал ценник. Мне вдруг стало страшно спросить второй раз. На работе я умела молчать после ответа человека — почти всегда он добавлял что-нибудь важное. Марат молчал тоже. Я забрала ноутбук.

Когда он вышел, я передвинула розы подальше от сканера. Нужен был оригинал. Только оригинал, без моих догадок про серьги. Мой административный доступ к тестовым интерфейсам ещё работал; личные папки компания недавно закрыла. Я помнила старый сервер, с которого переносили данные. Его должны были отключить год назад.

Ввела пароль, ошиблась в последнем символе. Руки пришлось положить на стол и подождать. Со второй попытки вошла. Папка того вечера осталась в корневом каталоге: в основном

облаке я её не нашла, а здесь открыла без труда. Марат когда-то смеялся, что старые резервные копии надо хранить до конца света. За эту его привычку я сейчас держалась.

Из нескольких файлов открылись два; один оказался исходником с камеры. Рядом с Маратом стояла девушка, которую я не знала. Он держал её за руку. Лики не было. К снимку прилагался комментарий дизайнера: «Убрать эту девушку, заменить на Лику для финального поста. Клиент просил „более сексуальный“ контекст. Лика безопаснее для бизнеса». Я прочла комментарий дважды. На слове «безопаснее» хотелось остановиться и больше ничего не знать.

Из такого снимка нельзя сделать вывод, что муж с кем-то спит. Я это понимала. Но он только что объяснял мне жест Лики, которого на настоящей фотографии не было. Зачем объяснял? Почему не сказал про монтаж? Я открыла наш снимок рядом с этим, посмотрела на свою руку у него на груди и закрыла. Слишком уж охотно я верила всему, что мы показывали гостям.

Дверь снова открылась. Марат вернулся, чтобы поцеловать меня в макушку перед началом вечеринки. — С годовщиной, любовь моя, — прошептал он, вдыхая аромат моих волос.

Он коснулся губами моих волос, а я сжалась в плечах. За десять лет впервые захотелось вымыть голову сразу после его поцелуя. В гостиной готовились к празднику. Оттуда позвали Марата, он откликнулся. Я закрыла ноутбук. Тихо. Как крышку гроба.

Утром я сварила ему кофе. Даже пенку ложкой поправила, пока опомнилась. Кофе можно было и не варить; вчерашнее не исчезло за ночь. Марат устроился на диване, а я осталась перед ним с планшетом. Чтобы не трясти картинку, упёрла край в живот.

— Посмотри сюда, — мой голос прозвучал чужим, хриплым. Я ткнула пальцем в увеличенный фрагмент фото: отражение в бокале шампанского. Там, среди размытых огней вечеринки, были пальцы Лики на воротнике Марата. А в восстановленном оригинале рядом с ним стояла совсем другая девушка.

Он рассматривал кофе, будто я пришла обсудить его вкус. Потом усмехнулся. Я знала эту улыбку: её получал человек, задавший на встрече глупый вопрос. — Ева, ты опять? Это оптический обман. Свет падал под углом, плюс вспышка камеры исказила перспективу. Ты видишь то, что хочешь увидеть.

Ноутбук лежал у него на диване. Марат открыл его, нашёл фотографию в недавних файлах и удалил. Я даже наклониться не успела. Закрыл крышку и отодвинул, как пустую тарелку. — Я не буду хранить мусор, который сводит тебя с ума.

У меня похолодело под рубашкой. На планшете снимок остался — я проверила, проведя пальцем по краю экрана. Он удалил одну копию. Одну, Ева. — Метаданные, — выпалила я, чувствуя, как горло перехватывает спазм. — Дата изменения файла. За день до годовщины. Девушку с оригинала заменили на Лику. Зачем?

Он поставил кружку. Почти осторожно: на этом столике нельзя было оставлять круги, я сама его за них ругала. Теперь кружку слышно было отчётливее, чем его первый вдох. — Дай планшет, — приказал он, протягивая руку. — Хочу показать историю версий. Если это техническая ошибка, давай разберемся. А если...

— Нет! — я прижала планшет к груди.

Марат ударил по моим рукам и схватил запястье. Планшет прижался ребром к груди. Я боялась выпустить его и боялась, что он надавит ещё; боль уже тянула вверх, к плечу. Он говорил, не разжимая пальцев: «Хватит. Ты снова начинаешь эту пластинку про шпионов и хакеров. Мне стыдно перед инвесторами, когда они звонят тебе по рабочим вопросам, а ты истеришь из-за теней на фотографиях».

Я поставила планшет на стол. Двумя руками, чтобы не уронить. На запястье виднелись полосы от его пальцев; хотелось растереть их, но прикоснуться было больно. — Ты делаешь меня сумасшедшей, — прошептала я.

— Ты сама себя загоняешь, — парировал он, вставая. Он встал так близко, что смотреть на него пришлось снизу вверх. — Ты не спишь нормально, ты сканируешь каждый пиксель. Это болезнь, Ева.

В дверь робко постучали. Семилетняя Аня заглянула первая, в своей пижаме с единорогами. Четырёхлетний Миша шёл за ней, держась за ткань. Обычно первым вбегал он. Теперь оба остановились у порога. — Мама плачет? — спросила дочь и сильнее стиснула Мишину руку.

Марат присел, раскрыл руки. Дети кинулись к нему, и он погладил их сразу обоих. Я смотрела на его ладонь на Аниной голове. Минуту назад эта ладонь держала меня. Теперь дочь спряталась под ней. — Видишь? Им страшно. Потому что мама «заболела». Нам нужно дать ей покой.

Аня выплянула из-за плеча отца. Она не пошла ко мне. Прижалась щекой к его плечу и смотрела, как я держу больное запястье. Мне захотелось спрятать руку за спину: пусть хоть этого не видит. — Анечка, — попыталась я, но голос сорвался. — Мамочка...

— Идите к себе, — мягко, но властно сказал Марат детям, целуя Аню в макушку. — Папа разберется. Мама просто очень устала.

Они ушли. Я едва удержалась от того, чтобы позвать их обратно. Они дети. Не мои свидетели.

Глава 2

В постели я повернулась к Марату спиной. Стоило устроить запястье на подушке — боль стихала; стоило вспомнить, как он обнял детей, снова становилось трудно дышать. Спать я так и не смогла. Около трёх он сел, обул тапочки. Я не шевелилась. Он пошёл в ванную с телефоном. Можно было остаться и наконец закрыть глаза. Дождалась, пока стихнут шаги, подошла к двери. Лбом коснулась дерева, чтобы стоять ровнее.

Он говорил вполголоса. Слова доносились через дверь не все, зато интонацию я узнавать умела: так он когда-то разговаривал со мной, если дети уже спали и мешать нам было некому. — ...да, она совсем съехала. Сегодня удалил ту фотку. Она еще больше завелась. Представляешь, чуть ли не драку устроила... Пауза. Смех. Короткий, циничный. — Нет, детка, я контролирую ситуацию. Просто нужно время, пока она окончательно не сломается. Тогда суд будет проще.

Я не поняла, сколько простояла у двери после этих слов. Суд будет проще. Он уже обсуждал суд. Когда ручка повернулась, я отступила на полшага — дальше не успела. Марат посмотрел на меня. Я ждала, что он хотя бы уберёт телефон. — Ева, — произнес он спокойно, слишком спокойно для человека, которого поймали. — Если ты еще раз будешь подслушивать, я вызову врача. Тебе нужна помощь. Ты теряешь связь с реальностью.

Телефон он не спрятал. Вышел мимо меня, оставил дверь открытой. Я стояла в ванной и смотрела на влажный коврик. Следы его тапочек ещё были видны. Так просто он прошёл обратно в нашу спальню.

За завтраком Миша толкнул стакан. Сок затёк под тарелку; я потянулась её поднять, но Марат окрикнул сына раньше. Миша прижал ложку к себе. Ему хотелось вытереть лужу, я видела: он смотрел на салфетки, боясь пошевелиться. — Миша! Осторожно! — рявкнул он, и сын съежился, готовый заплакать. Но виноватой тут же оказалась я. Марат вытер стол салфеткой, бросив на меня косой взгляд. — Посмотри на него. Он дрожит. Он нервничает, потому что ты постоянно ходишь как призрак вокруг дома. Твоя тревожность передается детям, Ева.

У меня были ответы на каждое слово. Кто только что накричал на ребёнка? Кто ночью обсуждал, как меня сломать? Ответы я проговорила про себя. Вслух попросила Мишу приподнять тарелку. Намочила губку, собрала сок. Сын помогал: держал тарелку обеими руками и следил, чтобы больше ничего не разлить.

После завтрака я достала куртку. Позвонить Кате, поговорить с психологом, хоть просто выйти на лестницу без Марата — всё это казалось одним и тем же нужным действием. Подальше от его голоса. — Мне нужно выйти, — сказала я, натягивая куртку. — К врачу. Провериться.

Он встал у выхода, положив руку на дверной косяк. До прихожей мне оставалось два шага. Я замерла, потому что попробовать протиснуться мимо него после утра не хотела. — Никуда ты одна не пойдешь, — твердо заявил он. — В таком состоянии? Ты можешь натворить дел. Я отвезу тебя сам. Или мы останемся здесь. Но ты не уйдешь одна.

— Телефон, — потребовала я. — Дай мне позвонить подруге.

Он достал мой смартфон из кармана своей куртки. Забрал, пока я одевалась; я даже не заметила. — У тебя навязчивые мысли. Лучше оставить телефон у меня. Так безопаснее. Для всех.

Он убрал телефон во внутренний карман и застегнул молнию. Я запомнила этот карман. Сейчас спорить было бесполезно: за спиной у меня стоял диван, впереди Марат, а детей я оставила на кухне. Они слышали бы всё.

Вечером он поставил передо мной тарелку риса и включил проектор. На стене появилась я — на первой годовщине, девять лет назад. Марат кружил меня под музыку; я смеялась, ста-

ралась не наступить ему на ноги. У той меня были серьги, которые теперь лежали сломанными в шкатулке. Я вспомнила их раньше, чем сам танец. — Смотри, какая мы счастливая семья, — сказал он, наливая себе вина. — Не разрушай это своими фантазиями, Ева. Это было. Это есть.

Жуя рис, я следила за людьми позади нас. На работе так ищут сбой: не там, куда тебя просят смотреть, а по краям. Лика стояла среди гостей и улыбалась в камеру. Ничего страшного — женщина улыбнулась фотографу. Только ложка у меня замерла. Лика бывала у нас уже тогда. Я нажала зубами на ложку и положила её. Кому она улыбалась, я не знала. Чтобы узнать, хотелось просмотреть все наши видео. Не сегодня. Сегодня мне надо было уйти.

Марат заметил, что я перестала есть. Потянулся поправить подушку за моей спиной. Я отодвинулась на ширину ладони; он сделал вид, что не заметил. — Ну вот, видишь? Все хорошо.

Я посмотрела на его куртку в прихожей. Она была там же, у двери. Надо дожждаться ночи. Даже если он снова скажет про врача, утром у меня будет телефон и будет Катя. Запястье по-прежнему болело. Это было даже полезно: не давало принять видео за ответ на всё остальное. — Да, — сказала я, не глядя больше на экран. — Ты прав. Все хорошо.

Я улыбнулась, когда он повернулся. Потребовалось меньше усилий, чем я думала: на рабочих интервью я и не такие ответы выслушивала с вежливым лицом. Марат откинулся на диване и потянулся к вину. Я разрешила себе не смотреть на него.

Но пока он допивал вино, я уже мысленно измеряла путь из спальни в прихожую. Куртка с моим телефоном — у двери. Дождаться, когда он уснёт. Утром забрать детей и уйти.

Ночью я забрала телефон из куртки Марата. Утром отвела детей к Кате, взяла документы и ноутбук. В бизнес-центре «Аврора» за стойкой сидел охранник. Я часто бывала здесь, но он смотрел на меня как на постороннюю. Папка под мышкой съезжала; я перехватила её поудобнее, хотя правильнее было уйти. За детьми я обещала вернуться. Без того, что Марат сможет удалить у меня на глазах.

— Мне нужно забрать документы со стола в кабинете основателя, — сказала я. Охранник выслушал, я показала папку.

Охранник сверился с монитором. На его лице ничего не поменялось. Мне захотелось попросить повернуть экран: вот я, вот моё имя, что там может быть написано? — Прохода нет, девушка. У вас стоп-лист. Спросите разрешения лично у Марата Асланова.

Стоп-лист. Я ездила сюда на тестирования, знала, какой лифт вечно застревает на третьем, а теперь не могла пройти турникет. Марат постарался. Позвонить ему — всё равно что попросить ключ от запертой им двери. Я нашла контакт Димы. Полгода назад тестировала внутреннюю CRM и заметила, что внешних консультантов портал проверяет отдельно от сотрудников. Тогда оставила заявку на исправление. Неужели не исправили?

Я повернулась боком к охраннику и набрала Диму. Кажется, он даже дышал в трубку несколько секунд, прежде чем поздоровался. — Дима, привет. Это Ева, UX-исследователь. Слушай, мне срочно нужно попасть на пятый этаж, к Асланову. Забыла контракт. Ты можешь пропустить меня через внутренний портал как консультанта? Там же баг в авторизации гостя, помнишь?

Пауза. Шум клавиатуры на том конце провода. — Ева? Seriously?... Ладно. Пишу заявку. Жди три минуты. Только... будь осторожна. Марат сегодня в бешенстве.

Три минуты я простояла у стойки. Уже приготовилась к тому, что Дима передумает: нажмёт не ту кнопку, скажет, что помочь невозможно. Охранник ещё раз посмотрел в монитор, потом на меня. Турникет щёлкнул. Я прошла слишком быстро, задела бедром створку. Болело, но останавливаться не стала.

На пятом этаже пахло кофе. Ассистента за столом не было; кружка стояла, а стул отодвинули далеко. До кабинета Марата оставалось шагов двадцать. На полпути я остановилась. Лика стояла у окна с планшетом и смотрела прямо на меня.

Красивое платье, волосы убраны так, что ни одна прядь не вылезла. Обычно я разглядывала её одежду с интересом: что люди считают убедительным для работы, меня занимало. Сейчас увидела, как она убрала планшет под локоть. Освободила руки, чтобы не пустить меня.

— Что ты здесь делаешь? — её голос был резким, как битое стекло. Она шагнула навстречу, блокируя путь. — Охрана! Вызови полицию, это вторжение в частную собственность.

Я стиснула ремень сумки. Вызвать полицию она могла. Но что скажет? Меня провёл сотрудник, заявка была оформлена. Я запомнила номер её бейджа — «LX-045» — и время на телефоне, 14:27. Если позже начнут рассказывать, что я ворвалась, мне пригодится хотя бы это.

— Мне оформили гостевой пропуск, — сказала я, не выпуская ремня сумки. — И твой лак на ногтях сколот. Непрофессионально.

Лица взглянула на ногти. Совсем быстро — только опустила ресницы, — а я уже шла мимо. Глупый выпад про лак сработал лучше, чем мои разумные объяснения охраннику. Я чуть не засмеялась от облегчения. Не здесь. Нужно было пройти ещё несколько метров.

Кабинет оказался заперт. Я попробовала ручку второй раз, хотя она не стала бы от этого послушнее. Марат закрыл дверь; облачные папки тоже. За каждым замком он мог стоять и решать, впустить ли меня. Я прислонилась к косяку, перебирая в голове, где ещё оставались фотографии.

У ассистента был внешний диск. При последней рабочей консультации на него копировали материалы перед миграцией. Я помнила короткий кабель: его не хватало до нужного порта, и диск подключали через хаб. Если не убрали, старые снимки могли быть там.

В верхнем ящике лежали блокноты, степлер и нужный чёрный диск. Кабель ещё торчал из хаба. Я вытянула его, поставила ноутбук на стол. Порт пришлось искать на ощупь. Всё время казалось, что кто-то смотрит, а когда наконец появился значок устройства, я даже не успела его открыть.

Глава 3

Дверь кабинета распахнулась изнутри. Мужчина толкнул её плечом, держа ноутбук обеими руками. Я так и осталась с кабелем в пальцах.

Он задержал взгляд на диске, потом на мне. Рукава рубашки были закатаны; пиджак сидел хорошо, хотя он явно провёл за работой не первый час. Прежде я отметила бы только дорогой костюм. Теперь ждала, потянется ли он к телефону вызывать охрану. Он сел на край стола.

— Вы ищете лог ошибок или лог грехов? — спросил он.

Выдернуть кабель и сделать вид, что ничего не было, я не могла. Он уже всё увидел. От этого моя первая фраза получилась особенно жалкой. — Я... я внешний аудитор, — выпалила я, чувствуя себя нелепо. — Проверка безопасности...

Усмешку он убрал, как только посмотрел мне в лицо. — Копировать чужой архив без разрешения? Это не аудит, Ева. На этот диск я как раз пришёл посмотреть. Оставь его. Если Марат заявит о краже данных, ты ему поможешь.

Глеб. Я вспомнила имя: его обсуждали после встреч, когда Марат пересказывал рабочие споры. Юрист по защите данных, неудобный человек. Только почему сейчас неудобно было мне, а охрану он всё ещё не вызвал? — Почему ты помогаешь мне? — спросила я, и в моем голосе прозвучала не просьба, а требование ответа.

Глеб склонил голову набок. — Потому что мне интересно, как долго продержится эта ложь. И потому что я знаю цену правды. Мне поручили проверку корпоративного архива. Доступ есть, запросы фиксируются. Я могу сохранить найденное для проверки, но выносить файлы тайком не буду.

Я поставила сумку на пол: удержать её на плече было трудно. Глеб говорил о копиях, проверке, доступе. У меня же перед глазами стояло запястье с красными полосами. Один неверный ход — и Марат получит возможность обвинить меня ещё в чём-нибудь. — Я не могу...

— Можешь, — перебил он. — Или ты будешь сидеть дома и ждать, что всё решат за тебя. Выбирай.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.